

Научная статья

УДК 811.111'36

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/230-246>

Об искренности в китайской культуре языкового общения

Молодых Валерий Иосифович

Леонтьева Тамара Ивановна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Актуальность темы обусловлена интересом лингвокультурологии к выявлению специфики национальных картин мира. Предметом исследования статьи является лексико-семантическое поле искренности на фоне системы этнопсихологических стереотипов объективизации искренности в типичных ситуациях общения китайцев. Цель исследования – выявление общего и специфического в формировании структуры данного поля и состава этнопсихологических стереотипов в объективизации искренности в речи, что позволит обнаружить особенности скрытого смысла искренности в русском и китайском языках, показать как универсальные, так и типологические особенности репрезентации искренности в двух разных лингвокультурах. Полученные результаты могут быть применены в лингвистике, культурологии и когнитивных исследованиях, направленных на изучение этнопсихологии китайцев, а также в практике преподавания китайского языка.*

***Ключевые слова:** культурно-философская суть феномена искренности, особенности коммуникативного поведения китайцев, лексико-семантические дефиниции искренности, роль принципов стратагемности, «сохранения лица», «ханьсюй» (含蓄) в прототипических (кооперативных) и непрототипических (конфликтных) ситуациях.*

***Для цитирования:** Молодых В.И., Леонтьева Т.И. Об искренности в китайской культуре языкового общения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. № 2. С. 230–246. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/230-246>.*

Original article

About sincerity in the Chinese culture of language communication

Valery I. Molodykh

Tamara I. Leontieva

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok. Russia

***Abstract.** The article is devoted to the study of the features of the verbal and non-verbal realization of sincerity in the Chinese language on the basis of the analysis of lexical-dictionary definitions of this concept and the description of the Chinese classical and modern literary-artistic discourse. The aim of the work is to present sincerity in the form of a system of ethno-psychological formulas for objectifying the concept of sincerity in typical situations of the Chinese culture of communication. At the same time, the need to clearly separate the linguo-philosophical essence of the phenomenon of sincerity is realized – as one of the aspects of honesty, truthfulness, the absence of contradictions between real feelings and intentions in relation to another person (or a group of persons); objectification of these feelings and*

© Молодых В.И., 2022

© Леонтьева Т.И., 2022

intentions, realized in words, phrases, speech works from the real behavior of individuals and groups in numerous acts of sincerity.

Keywords: *the Chinese cultural and philosophical essence of the phenomenon, sincerity, features of speech behavior of the Chinese, lexical and semantic definitions of apology, the role of stratagem and “face preservation” principles in prototypical (cooperative) and non-prototypic (conflict) situations.*

For citation: *Molodykh V.I., Leontieva T.I. About sincerity in the Chinese culture of language communication // Territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2022. № 2. P. 230–246. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/230-246>.*

Искренность – это путь неба. Приобретение искренности – это путь человека. Обладающий [полученной от неба] искренностью не затрачивает усилий, но у него все получается так как надо; не напрягает свой ум, но во всем разбирается надлежащим образом и находится в естественном единении с [правильным] путем.

«Цзо чжуань»

Искренность – дело трудное и очень тонкое; она требует мудрости и большого душевного такта. Маленький уклон в одну сторону – и будет фальшь; в другую – и будет цинизм. Способность к подлинной искренности, правдивой и целомудренной – великий и очень редкий дар.

В. Вересаев

Введение

Открытое, искреннее, добродушное выражение человеком своих мыслей, чувств и помыслов выступает во многих национальных культурах в качестве традиционной положительной ценности. Не составляют в этом смысле исключения русская и китайская лингвокультуры, которые наряду с универсальными свойствами обладают по отдельности своими заметными типологическими чертами. На эту особенность характера и поведения русских людей обращали внимания некоторые исследователи. Так, например, А. Вежбицкая считает, что приоритету искренности и прямоты в русской культуре противостоит условная вежливость, принятая в англосаксонской и некоторых других культурах [5].

Русский идеал искренности связан, прежде всего, с высоко положительной оценкой открыто сообщаемого другим людям того, что накопилось на душе и что хотелось бы передать другим. О восприятии искренности через призму естественности, простоты и доброты писал русский философ Н. Лосский: «Жизнь по сердцу создает открытость души русского человека и легкость общения с людьми, простоту общения, без условности, без внешней привитой вежливости» [11, с. 292].

В русской культуре общения искренность русского характера, исходящая из заботы об окружающих, придает еще большее значение общительности, открытости и сердечности, поэтому некоторые подобные действия могут быть интерпретированы представителями иных культур как «нарушения личной сферы». В русскоязычном диалоге искренние категорические высказывания

и отстаивание своего мнения являются нормой коммуникативного поведения. О проявлениях особой эмоциональной искренности русских, отражающейся в языке и художественном дискурсе, много писала А. Вежбицкая [6]. Концепт искренности в русской культуре относится к одному из базовых, формирующих специфику русского речевого поведения.

На протяжении длительной истории изучения национального характера китайцев, в отличие от русских и других европейцев, отмечено, что первые отличаются сдержанностью в проявлении эмоциональных чувств и тем более искренности в общении. Подробное описание этнопсихологического портрета и особенностей сознания китайцев нашло отражение в монографии Н.А. Спешнева [19]. По нашим личным наблюдениям, основанным на опыте длительного пребывания в Китае, в китайском обществе не принято открыто проявлять свои эмоции. Китайский речевой этикет в большей мере направлен на сохранение лица говорящего, чем русский, и строго отвечает правилам этикетного поведения «ханьской» (含蓄) – умение недосказывать, не быть до конца искренним и не делать вслух собственных умозаключений. «Ханьской» – сложное понятие, относящееся к языковым реалиям (лакуна) и определяющее специфику коммуникативного поведения китайцев.

В статье впервые предпринята попытка комплексного (лингволитературоведческого) анализа как общих (универсальных), так и специфических компонентов китайской искренности как коммуникативного феномена. Авторы исходили из общего представления о термине «концепт»: «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. ...Концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [20, с. 40]. С точки зрения такого подхода культурно-психологические особенности китайского концепта «искренность» предлагается рассматривать с двух сторон: с позиции анализа особенностей объективизации понятия «искренность» в словарях и с позиции иерархии и роли других ценностных концептов в обыденном сознании китайцев – «этикетность речи», «ханьской» «стратагемность», идея «золотой середины» и др.

Материалом для исследования послужили лексико-семантические группы слов и речевые акты, выбранные методом сплошной выборки из толковых (китайско-китайских), переводных китайско-русских и русско-китайских словарей, а также тексты художественных произведений китайских писателей.

Основная часть

Согласно квалификации Э. Холла (E. Hall) культура коммуникативного поведения китайцев, как и представителей таких стран, как Корея, Япония, государств Ближнего Востока, Латинской Америки и др., относится к высококонтекстной – невыраженная, скрытая форма речи, ведущая роль невербального общения, уход от избыточности информации, отсутствие открытого недовольства при любых условиях, главная опора при общении. Подробно данное явление описано в работе В.А. Ленинцевой и М.В. Тохта-Ходжаевой [10].

Менталитет (образ мышления) в языковом сознании китайцев, с одной стороны, тесно связан с первоосновой национальной культуры, обуславливающей поведение ее носителей, а с другой – с механизмом производства и развития самого языка. Результаты исследования иерархии этих ценностей путем свободно-ассоциативного эксперимента на материале 12 480 слов-реакций с привлечением 679 китайских студентов-респондентов подтвердили, что китайцам свойственен коллективный дух мироощущения [25].

Следовательно, им не свойственен дух врожденного ощущения необходимости индивидуального самовыражения искренности, о котором писал В. Вере-саев. Коллективная идея «золотой середины» (zhong yong zhi dao) пронизывает все области психологии китайской культуры, в том числе и языкового сознания [23, с. 11]. Существенные различия в коммуникативном поведении русской и китайской лингвокультурных общностей можно продолжить, если проанализировать отношение русских и китайцев к важнейшим ценностям национального коммуникативного поведения. Среди доминантных ценностей в национальном характере китайцев выделяется, прежде всего, преданность (чжунсяо – 忠孝) – преданность государству и сыновняя почитательность. Исторические прецедентные имена национальных военных героев Юэ Фэя и Гуань Юя (岳飞, 关羽) являются символом безграничной преданности в многочисленных китайских паремиях. Далее по важности следует справедливость и неподкупность (чжэньи – 正义). Мифологический образ Бао Гуна (包公) прославился расследованием запутанных преступлений и своей неподкупностью.

Важность общечеловеческих принципов честности и искренности впервые упоминается в записях древних философов. Хань Фэй-цзы (280–233 гг. до н.э.): «小信诚则大信立 – Малая честность служит основой для создания большой честности»; Мо-цзы (470–391 гг. до н.э.) – «言不信者, 行不果 – Речь без искренности не приносит положительных плодов»; Конфуций (551–479 гг. до н.э.) – «民无信不立 – Нельзя крепко стоять на ногах, если люди тебе не доверяют».

Семантическое пространство лексического значения древних слов 信 – Синь и 诚 – Чэн в отличие от их русских коррелятов «честность», «честный» обнаруживает признаки фрагмента языковой картины мира, включающего исходные конфуцианские образы. По данным древнейших словарей «Шовэнь» 说文解字 (121 г. н.э.) и «Эръя» 尔雅 (III–II в. до н.э.), этимон 信 – Синь (верность, благонадежность) – понятие древней китайской конфуцианской этики. Оно неразрывно входит в систему пяти элементов (у син) в числе пяти постоянств (у чан) – моральных принципов, посредством которых формируются предпосылки «благонадежности» и «верности».

В китайском языке лексика, обозначающая родственные слова с категорией искренности, связана с древнейшим иероглифом «вера», «верность» (信) – 信仰 (вера), 信念 (убежденность), 信心 (искренность) и записывается одним и тем же знаком 信. Культурно-психологический эффект от данной связи добавляет большей уверенности в силу семантики слова «искренность». Ср.:

习近平考察广西: 学史增信就是要增强信仰, 信念, 信心 (из речи председателя КНР Си Цзиньпина во время его визита в Гуанси: «рост доверия к изучению истории укрепляет веру, уверенность и убежденность») [27].

В современных толковых, синонимических словарях китайского языка и тезаурусах слова «искренность, искренний» уточняются следующим синонимическим рядом: 老实 – 小张是一个老实人, 从来不说假话 – Сяо Чжан – искренний человек никогда не лукавит; 诚实 – 说话诚实 – Говорить правдиво; 诚心 – 我诚心诚意希望你好 – Я от всей души желаю вам добра; 诚信 – 生意人应当以诚信为本 – Самое главное для коммерсанта – искренность (честность); 诚挚 – 会谈是在诚挚友好的气氛中进行的 – Переговоры велись в искренней и дружественной атмосфере; 衷心 – 表示衷心的感谢 – Выразить искреннюю благодарность; 恳切 – 我恳切地希望大家帮助我 – Я искренне надеюсь, что все помогут мне; 真心 – 真心诚意 – С искренними намерениями; 坦白 – 坦白承认错误 – Откровенно (искренне) признаться в ошибках.

Можно предположить, что идея «графического созвучия» – составление и подбор слов-иероглифов для обозначения одной и той же концептуальной доминанты с различным национальным семантическим наполнением – характерна не только для буддийских мотивов классической поэзии Ду Фу, Бо Цзюйи, Хань Юй и т.д., о чём пишет в своей диссертации А.Г. Сторожук, но она еще связана с идеографическими особенностями письменного варианта китайского языка в целом [22, с. 25].

Если сравнить русские слова «искренность», «искренний» с китайскими 真诚, 真挚, 坦白, 诚恳, 诚实, 诚信 и др., то можно сделать вывод о том, что русская и китайская концептуализации искренности радикально различаются. Дело в том, что китайская «искренность» описывает узкий круг ситуаций и эмоций по отдельности, а в русском языке аналогичное слово с узким значением отсутствует, что требует от носителя китайского языка выбора более точного эквивалента среди разных синонимических слов в зависимости от контекста. В сознании китайцев они используются для ассоциирования искренности с конкретной ситуацией и личным опытом. Верность данного тезиса подтверждают результаты пилотажного ассоциативного эксперимента, проведенного авторами данной статьи в октябре 2021 г. В нем приняли участие 25 студентов-русистов из КНР и Тайваня, обучающихся во ВГУЭС (г. Владивосток). Среди частотных коллокаций, похожих с русским словом «искренность», параллельных словосочетаний в китайском языке не обнаружено. В этом можно усмотреть одно из проявлений национально-культурной специфики в восприятии понятия «искренность» русскими и китайцами.

При открытом общении предметная ситуация открыта для объективизации искренности. В этой ситуации человек может выразить свою индивидуальность и показать русский характер. По утверждению И.А. Стернина, «в русском коммуникативном поведении типичный тип открытого общения – традиционный русский разговор по душам. Русский человек традиционно стремится к открытому общению и не любит закрытое» [21, с. 16].

В русской фразеологии искренность даже шире правды; концептуально она тесно связана с верой, доброжелательностью, душевностью, откровенностью. Ср.: «Как вы относитесь к Лучинину? Только скажите искренне. ...Для искренности необходимо, чтобы в нее верили» (Тренин, «Анна Лучинина»). «Когда Лиза спросила его, бывал ли он счастлив, он с полной искренностью ответил, что нет, он не счастлив» (Федин, «Необыкновенное лето»). «Искренность – это правда момента, правда роли. ...Условия искренности прагматичны, тогда как условия истинности онтологичны. Искренность – свойство общения, истинность – свойство суждения» [4, с. 601]. Напротив, в Китае традиционно стремятся к закрытому общению и не любят открытое общение. Одним из важных регуляторов уровня открытости, искренности для китайца выступает фактор социализации личности. «В европейской культуре личность оценивается в целом, ее поступки в разных ситуациях считаются проявлением одной и той же сущности. Китайцы избегают суждений о человеке в целом, разделяют его поведение на изолированные области, в каждой из которых действуют свои законы и нормы поведения. В европейском обществе поведение человека объясняют мотивами его действия, в Китае – общими правилами, нормами» [15, с. 21]. В китайской коммуникации, подчеркивает Н.А. Спешнев, изначально не очень обращалось внимание на поиск объективной истины как таковой, а преследовалась идея выработки способов «самоусовершенствования» [19, с. 106]. Несмотря на известную чувствительность и сенсibilitätность (миньгань) китайцев, традиционная «китайская чувствительность» и «ранимость» (цингань) особенно заметно проявляется не в звучных словах и в открытой речи, а в скрытой форме сентиментального выражения.

Таким образом, искренность – очень важное качество речевого воздействия, которое ценится в русской и китайской культурах; этот факт находит отражение не только в словарных дефинициях и во фразеологии, но и в китайском художественном дискурсе.

Продемонстрируем это на примерах. Рассказ «Находчивый Лю Лин» появился в эпоху Шести династий, когда несколько царств возникли на руинах троецарствия (220–264). Располагались они как на юге, так и на севере нынешнего Китая, и только территория среднего и нижнего течения реки Янцзы сохранила национальную культуру и духовность. Период Шести династий оказал большое влияние на становление традиционной культуры Китая. Именно в эпоху Шести династий сформировались три идеологические системы: конфуцианство, даосизм и буддизм [8, с. 20]. Казалось бы, изящная письменность могла бы развиваться. Но что касается литературы, то она в этот период была направлена на простого, малообразованного человека. Героями литературных произведений «историко-анекдотического характера» были ловкие собственники, хитрые пьяницы, игроки в кости, так называемые «критики» по-настоящему одаренных авторов, лицемеры всех мастей. Были, разумеется, и исторические лица, сыгравшие свою значительную роль в истории государства, но народ нуждался в героях иного плана. Привлекают и сами названия рассказов: «Сообразительный Ван Жун», «Великий наставник Сыма», «Находчивый Лю Лин» [8, с. 375–379].

Исходя из утверждения, что искренность – это путь неба, согласимся с тем, что человек живет на Земле и, по мнению К. Ажежа, является «психосоциальным выразителем своих нужд и желаний. При этом модель человека строится на диалектическом взаимодействии двух сфер, двух областей – области принуждения, обязательного подчинения пользователя («выразителя») языку, и области «свободы», инициативы говорящего» [2, с. 240, 241]. Интересно отметить, что китайская литература издревле требовала от поэтов смыслового подтекста; его история восходит к конфуцианским поэтологическим воззрениям, суть которых заключалась в том, что в поэтическом произведении обязательно должен быть смысловой подтекст, отличный от внешнего повествовательного плана. «Причем этот подтекст надлежит отдельно выявить и истолковать» [8, с. 16].

Для решения авторского замысла рассказа «Находчивый Лю Лин» обратимся к стилистическому интент-анализу [7, с. 81], а также к пропозициональному анализу неискреннего дискурса [17, с. 40]. В основе интент-анализа лежит установка на то, что человек не высказывает простодушно то, что он думает, а обдумывает свои слова, и причины для этого могут быть разными. В основном это боязнь обидеть кого-нибудь, нечаянно выдать свои намерения неловким словом или попасть впросак, а интенция заставляет человека целенаправленно выбирать слова, строить свою речь, не вызывая негодования или подозрения. Именно с таким героем, по всей видимости, нередким в Древнем Китае, встречаемся мы в сборнике Лю И-Цина (403–444) «Ходячие толки в новом пересказе» [8, с. 378, 379].

Авторы полагают, что интенциональность (в понимании С.Н. Плотниковой, И.А. Стернина, Л.Р. Дускаевой) выражается в желаниях и убеждениях героя рассказа «Находчивый Лю Лин», которые он высказывает с помощью хитрости; последняя скрыта от его супруги, но становится понятной читателю. Жена сетует довольно активно на пьянство супруга и призывает его покончить с этим [8, с. 379]:

Китайский текст	Русский перевод
君饮太过，非摄生之道，必宜断之！	– Пьете, не зная удержу, только жизнь свою губите! Пора бы и перестать!

Важным для нас является образная составляющая внутреннего мира главного героя, то, какому ценностному принципу она соответствует. Эгоцентрическая пропозиция героя рассказа сводится к жажде немедленной выпивки. Пропозиция этого горького пьяницы строится на глаголах с положительной коннотацией: «отвыкнуть», «помолиться», «дать обет воздержания», скрывающих от его жены истинный замысел. Существительные же «вино» и «мясо» возводят азарт выпивки в абсолют. «Семантически неискренность представляет собой конструирование говорящим ложных пропозиций и присваивание им статуса истинных» [17, с. 47]. Именно это и происходит с героем рассказа «Находчивый Лю Лин».

Коммуникативное намерение автора заключается в том, чтобы представить специфическую конфигурацию интенций героя, и он вкладывает в его уста следующий пассаж [8, с. 379]:

Китайский текст	Русский перевод
伶曰：甚善。我不能自禁，唯当祝鬼神自誓段之耳。便可具酒肉。	– Ну что ж, отлично! – сказал Лю Лин. – Да только самому-то мне трудно будет отвыкнуть, надо бы прежде помолиться богам и духам и дать перед ними обет воздержания. Но для этого нужны вино и мясо.

Из данного речевого акта становится ясной притворная пропозиция говорящего; он искренен только перед самим собой (хочу выпить и добыть этого!). Что же касается его интенции обмануть жену во что бы то ни стало, то здесь он хитер, ловок и развратен.

Доброту и искренность в рассказе проявляет только жена; она добра и наивна, что становится ясно из ее речевого акта послушания «Спешу исполнить повеление» и авторского комментария, описывающего ее добросовестное исполнение своих обязанностей. Понимание жены может быть названо интерпретирующим речевым актом, так как оно выражает интерпретацию пропозиционального содержания высказывания супруга; иллокутивное намерение речевого акта мужа-алкоголика выходит за рамки ее понимания.

Так, какие же нравственные принципы исповедует наш герой? Какова его реакция на женское простодушие? Ментальная и психофизиологическая реакция «находчивого Лю Линя» сосредоточена на восхвалении себя, на реализации плутовского плана. Вот какой «обет» он дает богам [8, с. 379]:

Китайский текст	Русский перевод
天生刘伶，以酒为名；一饮一斛，五斗解醒。妇人之言，慎不可听。	– О Небо, ты меня породило, ты же меня через вино прославило: в один присест могу выпить целую меру да сверх того еще полмеры – чтобы опохмелиться. А на речи жены не обращай внимания!

Герой необыкновенно искренен в своем обращении к Небу, так как наблюдается полное соответствие между его восклицанием и «отражаемыми в нем реальными мыслями, чувствами, интенциями» [1, с. 178]. Протагонист совсем не прост; он ведет себя как типичный герой китайской культуры, не утративший своих небесных корней. Согласно современным этнопсихологам «связь между земной судьбой и небесной волей составляет важнейшую особенность китайской культуры» [24, с. 3]. Человек из простого народа, не отягченный моральными принципами, имеющий лишь отдаленное представление о небесных корнях судьбы, фактически возводит хулу на Бога («Небо» как источник божественного).

Хитрец и пройдоха, он сумел одурачить не только свою простоватую жену, но и читателя. Как не вспомнить великого китайского писателя Лу Синя, который написал о китайцах: «Простой народ, хилый и увядший, словно пробивающаяся из-под огромного камня трава, четыре тысячи лет жил в молчании» [18, с. 107].

Писатели и философы, а также психологи утверждают, что люди не меняются ни с годами, ни с веками, ни с тысячелетиями. И в XX в. Лу Синь пишет рассказ «Мелочи» [12, с. 54–62], в котором приводит примеры хитрости, т.е. антиномии искренности в поведении дамы, госпожи Янь. Ее хитрость, наглость и лицемерие особенно бесстыдны, поскольку свое коварство она испытывает на детях, не могущих возразить ей, взрослой женщине. Так, автор описывает случай с показом ему, совсем маленькому мальчику, рисунка, на котором были изображены двое обнаженных людей и как будто бы дрались. Но от смеха г-жи Янь и ее мужа мальчику стало не по себе; он даже почувствовал себя оскорбленным и дней на десять прекратил свои визиты в этот дом. Однако там было много детей, устраивались порой интересные игры, и он снова стал ходить туда. Другой случай произошел, когда мальчику было лет одиннадцать, т.е. он уже мог анализировать происходящее. Все та же г-жа Янь призвала детей кружиться на спор – кто дольше? И она даже вела счет, заставляя детей не останавливаться [12, с. 55]:

Китайский текст	Русский перевод
“好，八十二个了！再旋一个，八十三！好，八十四！...”	– Хорошо! Восемьдесят два. Ну-ка еще! Восемьдесят три, отлично, восемьдесят четыре...

В тот момент, когда кружившийся мальчик А-сян упал, в комнату вошла его тетя. И тут все услышали, как г-жа Янь совершенно другим тоном воскликнула [12, с. 55]:

Китайский текст	Русский перевод
“你看，不是跌了么？不听我的话。我叫你不要旋，不要旋...”	– Вот видишь, не послушался и упал! Я же говорила – не кружитесь, не кружитесь...

Каковы же причины такого неискреннего поведения г-жи Янь, женщины далеко не низкого происхождения. Она читает, развлекает детей, понимает их психологию и использует эти знания с недобрыми целями. Ответом на этот вопрос может стать наблюдение И. Орлова, написавшего еще в XVIII в. о том, что в ответ на коварство мужчин женщины тоже стали вести двойную жизнь, изменять мужьям и развивать в себе нечестность в любой деятельности. Именно так в свое время понималось самосовершенствование [9; 16, с. 12]. «Восторг надувательства» [26, с. 53] удовлетворяет потребности этой женщины и объясняет интенцию ее поведения и разговора. По наблюдению С.Н. Плотниковой, «достаточно изменить интонацию, и высказывание, несущее в себе сомнение, станет

безапелляционным» [17, с. 26]. Когда речь идет о спасении собственной личности, г-жу Янь выдает ложь, которая и есть неискренность, т.е. введение собеседника в заблуждение. Но будет ли правильным сказать, что высказывание (ложное, придуманное на ходу) не отражает ее интенцию? Напротив, ее умысел заключается в намеренном обмане, в том, чтобы остаться невинной в глазах родственницы мальчика, т.е. как и герой первого рассказа, она искренна в этом действии перед собой и перед своей нечистой совестью. Налицо противоречие «между высказываниями и отражаемыми в них реальными мыслями» [1, с. 178], т.е. неискренность. Как нельзя лучше характеризуют эту даму слова: «лицемерие, возведенное в ранг искренности» [18, с. 19].

По нашему глубокому убеждению, искренность – это способность человека сохранить в себе удивительные ощущения, полученные в детстве, и пронести их через всю жизнь. В этом отношении невероятно выразителен рассказ Лу Синя «Родина» [13, с. 98–106]. Остановимся на его заглавии. Согласно китайской традиции родина для человека глубоко памятна и священна. В отличие от представителей Запада («моя родина там, где мой банковский счет») китайцы, как и главный герой рассказа «Родина», связывают с этим понятием самые лучшие воспоминания детства, детскую дружбу и привязанность. Слово «родина» обладает ярко выраженной, мощной по силе воздействия на читателя положительной коннотацией.

Искренность понимается нами как умение человека высоко оценить тот опыт детства, который ведет героя далее через всю жизнь, окрашивая ее необыкновенным радужным разноцветием. Именно поэтому был выбран рассказ Лу Синя «Родина». Детские воспоминания о родном селе, где герой провел счастливые годы, являются самым дорогим грузом, который главный герой рассказа пронес с собой двадцать с лишним лет.

Соглашаясь в целом с тем, что искренность говорящего трудно определить только методами лингвистического анализа, отметим все же силу определенных лексических единиц, выполняющих характерологическую функцию, так называемую тематическую сетку слов [3, с. 182]. Здесь, правда, рассматривается в основном речь автора, по сути, авторский комментарий, но не только он.

В авторском нарративе, его комментариях, ламентациях по поводу продажи родного гнезда, «где прошла жизнь стольких поколений нашего рода» [13, с. 98], раскрывается глубинное понятие слова «родина», отражается тоска и боль от потери родного дома. Эти чувства поддерживаются лексико-семантической сеткой: *родные места, родной дом, родное село, знакомые ворота*; а также коллокациями: *сердце сжималось от тоски, домой я возвращался с тяжелым сердцем, переехать на чужбину*. «Родина» для автора – это «чудная картина». «Чудная картина» в душе маленького брата Синя связана с воспоминаниями о дружбе с мальчиком по имени Жуньту.

Отдадим должное прекрасному переводу данного выражения («чудная картина») на русский язык и напомним русскому читателю комментарий В.В. Набокова по поводу слова «чудная». В нем слышится что-то волшебное. В слове

«чудная» присутствует другое слово – русское сказочное «чудь» [15, с. 396]. А вот так слово звучит в китайском тексте [13, с. 99]:

Китайский вариант	Русский перевод
这时候，我的脑里忽然闪出一幅神异的图画来	И в памяти моей мелькнула <i>чудная картина...</i>

Детская дружба отличается непосредственностью и искренностью двух мальчиков. Их открытость миру лексикализуется через описание красоты окружающего мира: *золотое колесо полной луны на темно-синем небе, песчаное море на взморье, все в изумрудно-зеленых арбузах, и среди них мальчик лет двенадцати с серебряным обручем на шее* [13, с. 99]. Искренность автора по отношению к родине выражена через гиперболизированную, метафорическую и обогащенную эпитетами страну детства, через любовь брата Синя, мальчика-барчука, к Жуньту, сыну наемного работника: *深蓝的天空中挂着一轮金黄的圆月，下面是海边的沙地，都种着一望无际的碧绿的西瓜，其间有一个十一二岁的少年，项带银圈。*

Великолепный, запоминающийся хронотоп: время – детство; место – взморье; персоны – два мальчика-подростка. И все детали той дружбы, а также времени, проведенного вместе, сохранились в памяти автора как «чудное мгновение». Сколько удивительного открыл Жуньту автору: вред на арбузном поле от ежей, барсуков и от *ча*. Жуньту умел расставлять силки и ловить птиц. Брат Синь узнает секрет серебряного обруча на шее мальчика, открывает для себя красоту собирания ракушек: и красных, и зеленых, и даже с суеверными названиями, например *чертово пугало* и *руки Гуаньинь*: *鬼见怕有，观音手也有。晚上我和爹管西瓜去，你也去。* Эти подробные душевные воспоминания о событиях почти тридцатилетней давности являются несомненной верификацией искренности автора, способного помнить и любить прошлое [13, с. 101]:

Китайский текст	Русский перевод
我素不知道天下有这许多新鲜事	Я и не подозревал, что на свете столько удивительного...
闰土的心里有无穷无尽的希奇的事。	Этот Жуньту был прямо-таки битком набит всевозможными чудесами...
现在我的母亲提起了他，我这儿时的记忆，忽而全都闪电似的苏生过来。	Теперь, когда мать упомянула про Жуньту, все эти воспоминания детства мгновенно ожили во мне – я будто наяву увидел свою прекрасную родину.

Подтверждением искренности главного героя является и его желание увидеться с Жуньту; он готовился к встрече, волновался, был настроен сентимен-

тально. Здесь намечается вторая, более трагичная часть, рассказа, отражающая неизбежность социальной структуры Китая 10–20-х гг. XX столетия. Подчиненные системе, в которой «каждое звено педантично придерживается своего места», является характерной чертой китайского национального характера [24, с. 4]. Понятие отношений часто, как подчеркивает С. Торопцев, стоит рядом с понятием чувства [24, с. 9], а чувства у Жуньту воспитывались отцом, служащим семейству Лу Синя. Да и сам Лао Цзы учил «следовать простейшей данности жизни, «таковости» всякого существования [14, с. 5]. Взрослый Жуньту представляет собой индигенную личность. Он вполне сознает свою социальную роль и не может, как в детстве, чувствовать себя на равных с человеком не своего круга. Он искренен в осознании своего места в жизни, что отражается в его вербальной и невербальной характеристиках. Не может Жуньту перешагнуть социальную стену, отделяющую его от брата Синя, получившего образование и «инкультурированного» в городскую среду. Так, Лу Синь (брат Синь в рассказе) слышит обращение Жуньту к себе «Господин». Это раболепство бесконечно удивляет автора, и он мгновенно забывает о том сентиментальном разговоре, которым была полна его душа до встречи. Невербальные маркеры поведения Жуньту заключаются в соблюдении им установленных в Китае жестко регламентированных «отношений» и даже эмоций в определенном социальном поле [13, с. 103]:

Китайский текст	Русский перевод
他站住了，脸上现出欢喜和凄凉的神情；动着嘴唇，却没有作声。他的态度终于恭敬起来了，分明的叫道：“老爷！..”	Жуньту не двигался с места; лицо его выражало и радость и печаль, губы беззвучно шевелились. Но вот он принял почтительную позу и отчетливо выговорил: – Господин!..

Какая богатая палитра невербальных маркеров поведения Жуньту! Здесь и положение тела, и быстроменяющееся выражение лица, отражающее нерешительность и неверие в счастье встречи, и беззвучное шевеление губ. Друг детства, добившийся хоть и небольших, но все же высот в социальном положении, представляется ему господином. И в этом захолустном селении не знают новых веяний взаимоотношений между людьми, и не представляет полунищий Жуньту того, что можно вернуться в прекрасную пору детства и назвать своего друга по имени. А Лу Синь, которому «говорить хотелось о многом, казалось, слова посыплются сами – как жемчуг с лопнувшей нити: перепела, ракушки, летучие рыбки, ча», похолодел и «не мог произнести ни слова». Невербальные средства описания физического состояния героя, его неспособность произнести ни слова полностью разрушают романтическую тональность разговора, на которую рассчитывал Лу Синь. Он понял, что его с Жуньту разделила стена. Неподдельность, непритворность авторской позиции состоит в осуждении традиционализма и неприятия рабской покорности. Чистосердечие и прямота матери Лу Синя только подтверждают правильность его позиции [13, с. 104]:

Китайский текст	Русский перевод
<p>“老太太。信是早收到了。我实在喜欢的不得了，知道老爷回来...” 闰土说。</p> <p>“阿，你怎的这样客气起来。你们先前不是哥弟称呼么？还是照旧：迟哥儿。”母亲高兴的说。</p> <p>“阿呀，老太太真是.....这成什么规矩。那时是孩子，不懂事...”</p>	<p>– Госпожа, – сказал Жуньту, – весточку вашу я давно получил. Я так обрадовался, как узнал, что господин придет...</p> <p>– А с чего это ты стал такой церемонный? – шутливо спросила мать. – Зови-ка его лучше, как прежде: брат Синь.</p> <p>– Что вы, что вы, госпожа ... Разве это прилично? Дети ведь были, не понимали ничего...</p>

Полагаем, что прямота и искренность матери, а также светлые мысли автора о начинающейся дружбе одного из сыновей Жуньту с племянником Лу Синя рождают в его душе надежду на новую жизнь, которую не довелось прожить Жуньту и брату Синю. Проникновенный характер этой искренней надежды подтверждается прекрасной картиной, увиденной автором во сне, а также библейского звучания фразой, знакомой всему миру благодаря гению Лу Синя, о надежде: «Она – как дорога, сейчас ее нет, а люди пройдут – и протопчут» [13, с. 106]. Искренность, чистосердечие и толерантность брата Синя заключаются в его способности начать и поддерживать разговор с Жуньту, в обсуждении его трудностей, в понимании и оказании посильной помощи другу детства.

В заключение анализа рассказа «Родина» отметим огромную, искреннюю веру Лу Синя в свой народ и свою родину, которой он так провидчески предсказал светлое будущее!

Заключение

Результаты проведенного исследования доказывают существование как универсальных, так и специфических черт искренности в национальной культуре языкового общения двух народов: китайцев и русских. Как было показано выше, в русской культуре, ценящей правду и душевную открытость в общении, собеседниками вполне одобряется искренний тон речи. В то же время в китайской культуре наблюдается более сдержанное отношение к искреннему духу языкового общения: считается предосудительным произносить открытые, искренние речи в лицо. При этом в обеих культурах находим одинаковое негативное отношение к обману, лжи, неискренности, нескромности и т.д.

Список источников

1. Авакимян С.С. О лингво-когнитивном подходе к феномену «искренность» // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург: Изд-во ЗПГУ им. А.И. Герцена, 2009. № 92. С. 177–185.
2. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 9-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
5. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. РАН. 2002. № 2 (4). С. 6–34.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. отв. ред. М.А. Кронгауз. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.
7. Дускаева Л.Р. Стилистический интен-анализ как вектор изучения речевых разновидностей // Медиалингвистика. Вып. 1. Славянская стилистика. Век XXI: сб. статей / под ред. Л.Р. Дускаевой; отв. ред. Ю.М. Коняева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т. Институт Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2013. С. 81–91.
8. Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. 768 с.
9. Кузьмина Е. Почему китайцы такие... // Отечественные записки. 2014. № 4. URL: <https://strana-oz.ru/2014/4/pochemu-kitajcy-takie>.
10. Ленинцева В.А., Тохта-Ходжаева М.В. «Ханьсюй» как характеристика коммуникативного поведения представителей китайской культуры // Осенние коммуникативные чтения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва: Российский новый университет, 2019. С.124–135.
11. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. Москва: Изд-во полит. литературы, 1991. 368 с.
12. Лу Синь. Собрание сочинений в четырех томах: пер. с кит. / под общ. ред. В.С. Колоколова, К.М. Симонова, Н.Т. Федоренко. Москва: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. Т. 3. 319 с.
13. Лу Синь. Избранное: пер. с кит. / редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; вступ. статья Л. Эйдлина; коммент. В. Петрова; худож. Ю. Копылов. Москва: Худож. лит., 1989. 511 с. (Б-ка китайской лит-ры).
14. Малявин В. Предисловие переводчика // Лао-Цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин): с комментариями и объяснениями Москва: АСТ, 2020. 288 с. (Мудрость великих).
15. Набоков В.В. Искусство перевода // Лекции по русской литературе: пер. с англ., предисловие И. Толстого. Москва: Независимая газета, 1996. 440 с.
16. Орлов И. Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание китайской империи. Москва, 1820. Цит. по Кузьмина Е. Почему китайцы такие... // Отечественные записки. 2014. № 4. URL: <https://strana-oz.ru/2014/4/pochemu-kitajcy-takie>.
17. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркутского гос. лингвистического ун-та, 2010. 244 с.

18. Предисловие автора к русскому переводу «Подлинной истории А-Кью» / редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; вступ. статья Л. Эйдлина; коммент. В. Петрова; худож. Ю. Копылов // Лу Синь. Избранное: пер. с кит. Москва: Худож. лит., 1989. 511 с. (Б-ка китайской лит-ры).
19. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. Санкт-Петербург: КАРО, 2017. 336 с.
20. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
21. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 227 с.
22. Сторожук А. Г. Художественные концепты и проблемы творчества в литературе эпохи Тан: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 45 с.
23. Тань А. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
24. Торопцев С. Локус культуры в китайской ментальности // Отечественные записки. 2008. № 3 (42). URL: <https://strana-oz.ru/2008/3/lokus-kultury-v-kitayskoj-mentalnosti>.
25. Чжу Ж. Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале русского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2017. 24 с.
26. Экман П. Психология лжи. 4-е изд. / пер. с англ. Санкт-Петербург: Питер, 2012. 288 с. (Серия «Мастера психологии»).
27. 增强信仰信念信心 – 广西壮族自治区扎实开展党史学习教育宣讲工作掠影//党史学习教育官网。URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2021/0601/c436975-32119227.html>.
28. 汉俄大辞典. Большой китайско-русский словарь. 上海外国语大学俄语系«汉俄大词典»编写组。上海外语教育出版社。2009年 С. 2284–2288.
29. 俄汉搭配词典. Русско-китайский словарь сочетаемости слов. 孙致祥主编。商务印书馆。北京。2003. С. 624.

References

1. Avakimyan S.S. On the linguistic-cognitive approach to the phenomenon of "sincerity" // Izvestia Ros. gos. ped. A.I. Herzen University. St. Petersburg: Publishing House of the A.I. Herzen State Pedagogical University, 2009. No. 92. pp. 177-185.
2. Azhezh K. The man who speaks: The contribution of linguistics to the humanities: trans. from fr. Moscow: Editorial URSS, 2003. 304 p.
3. Arnold I. V. Stylistics. Modern English: textbook for universities. 9th ed. Moscow: Flint: Nauka, 2009. 384 p.
4. Arutyunova N.D. Language and the human world. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. 896 p.
5. Russian Russian cultural scripts and their reflection in the language // Russian language in scientific coverage. Moscow: V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. RAS. 2002; . 2 (4): 6–34.
6. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition / translated from English by M.A. Krongauz. Moscow: Russian Dictionaries, 1996. 416 p.
7. Duskaeva L. R. Stylistic intent analysis as a vector for studying speech differences // Media linguistics. Issue 1. Slavic stylistics. Century XXI: collection of articles / edited by L.R. Duskaeva; ed. by Yu.M. Konyaev. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Institute of Higher School of Journalism. and Mass Communications, 2013. pp. 81–91.

8. Kravtsova M.E. Textbook on the Literature of China. St. Petersburg: ABC Classics, 2004. 768 p.
9. Kuzmina E. Why are the Chinese so... // Domestic notes. 2014. № 4. URL: <https://strana-oz.ru/2014/4/pochemu-kitaycy-takie>.
10. Lenintseva V.A., Tokhta-Khodzhaeva M.V. "Hanxiu" as a characteristic of the communicative behavior of representatives of Chinese culture // Autumn communicative readings: a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Moscow: Russian New University, 2019. pp.124–135.
11. Lossky N.O. Conditions of absolute goodness. Moscow: Polit Publishing House. literature, 1991. 368 p.
12. Lu Xin. Collected works in four volumes: trans. from kit. / under the general editorship of V.S. Kolokolov, K.M. Simonov, N.T. Fedorenko. Moscow: State Publishing House of Artists. lit-ry, 1955. Vol. 3. 319 p.
13. Lu Xin. Favorites: trans. from kit. / editorial board: G. Gotz, L. Delyusin, D. Mamleev, etc.; intro. article by L. Eidlin; comment by V. Petrov; artist Yu. Kopylov. Moscow: Art. lit., 1989. 511 p. (B-ka Chinese lit.).
14. Malyavin V. Translator's preface // Lao Tzu. A book about the Way of Life (Tao Te Ching): with comments and explanations Moscow: AST, 2020. 288 p. (The wisdom of the great).
15. Nabokov V.V. The Art of translation // Lectures on Russian literature: translated from English, preface by I. Tolstoy. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1996. 440 p.
16. Orlov I. The newest and most detailed historical and geographical description of the Chinese Empire. Moscow, 1820. Cit. by Kuzmina E. Why are the Chinese so... // Domestic notes. 2014. № 4. URL: <https://strana-oz.ru/2014/4/pochemu-kitaycy-takie>.
17. Plotnikova S.N. Insincere discourse (in cognitive and structural-functional aspects). Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Linguistic University, 2010. 244 p.
18. The author's preface to the Russian translation of the "True History of A-Q" / editors: G. Gotz, L. Delyusin, D. Mamleev, etc.; introduction. article by L. Eidlin; comment by V. Petrov; artist Yu. Kopylov // Lu Xin. Favorites: trans. from kit. Moscow: Art. lit., 1989. 511 p. (B-ka Chinese lit.).
19. Speshnev N.A. The Chinese: features of national psychology. St. Petersburg: KARO, 2017. 336 p.
20. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian culture. Research experience. Moscow: School "Languages of Russian culture", 1997. 824 p.
21. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 227 с.
22. Сторожук А.Г. Художественные концепты и проблемы творчества в литературе эпохи Тан: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 45 с.
23. Тянь А. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. Москва: Языки славянской культуры. 2004. 240 с.
24. Торопцев С. Локус культуры в китайской ментальности // Отечественные записки. 2008. № 3 (42). URL: <https://strana-oz.ru/2008/3/lokus-kultury-v-kitayskoj-mentalnosti>.
25. Чжу Ж. Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале русского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2017. 24 с.
26. Ekman P. Psychology of lies. 4th ed. / translated from English. St. Petersburg: Peter, 2012. 288 p. (The series "Masters of Psychology").
27. Enhance faith, belief and confidence—Guangxi Zhuang Autonomous Region solidly carries out Party history learning and education preaching work. // The official website of Party

- History learning and Education. URL:
<http://dangshi.people.com.cn/n1/2021/0601/c436975-32119227.html>.
28. Chinese-Russian Dictionary. Большой китайско-русский словарь. The writing group of the "Chinese-Russian Dictionary" of the Department of Russian of Shanghai Foreign Studies University. Shanghai Foreign Language Education Press. 2009 С. 2284–2288.
29. Russian-Chinese collocation dictionary. Русско-китайский словарь сочетаемости слов. Editor-in-chief Sun Zhixiang. The Commercial Press. Beijing. 2003. С. 624.

Информация об авторах:

Молодых Валерий Иосифович, канд. филол. наук, доцент, г. Владивосток. E-mail: Valeriy.Molodyh@vvsu.ru. ORCID: <https://orcid.org/>

Леонтьева Тамара Ивановна, канд. пед. наук, доцент, г. Владивосток. E-mail: tamara.leonteva@vvsu.ru . ORCID: <https://orcid.org/>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/230-246>

Дата поступления:
16.05.2022

Одобрена после рецензирования:
17.05.2022

Принята к публикации:
24.05.2022